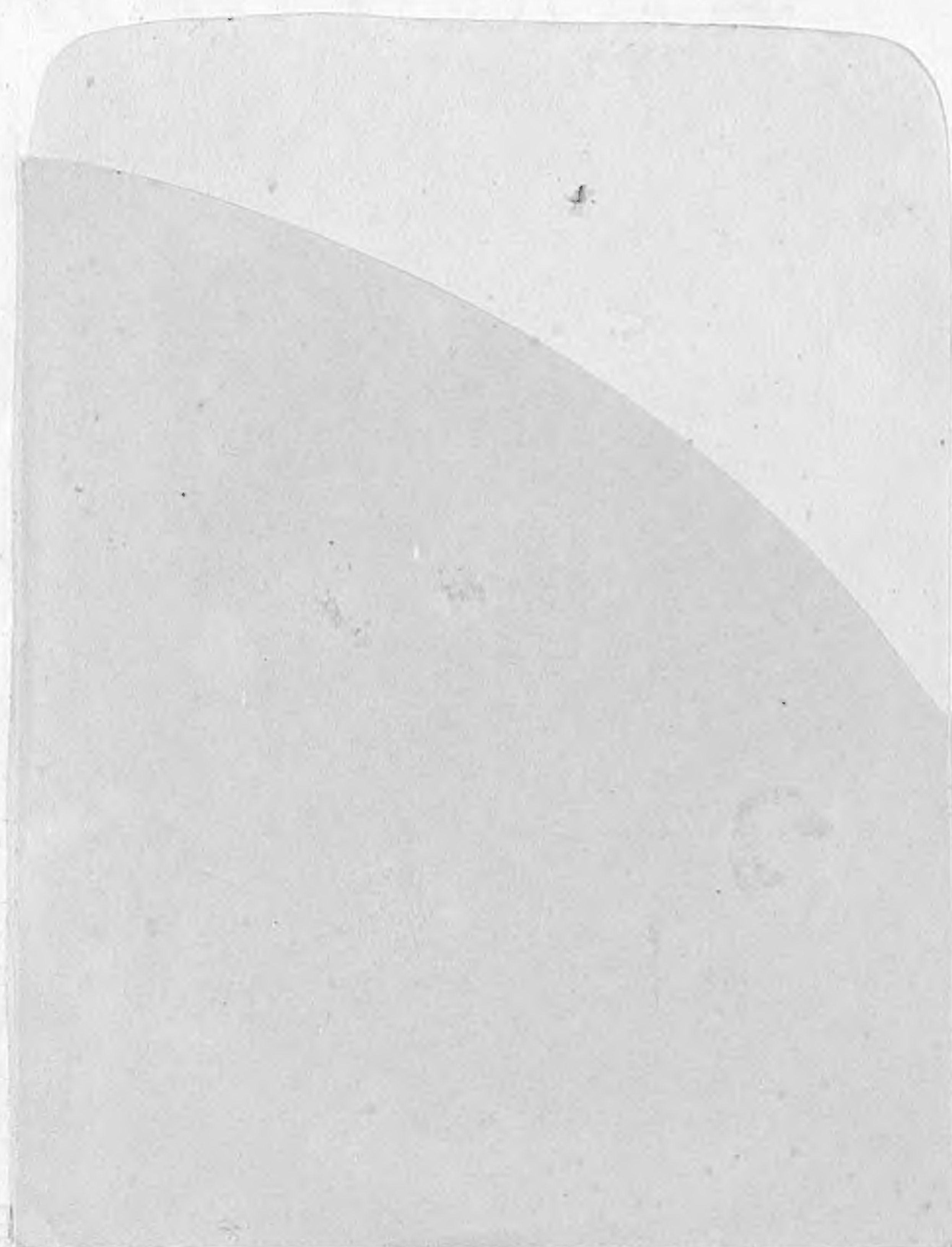
БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

В. АНЦИФЕРОВ

АДМИРАЛ УШАКОВ

ВОЕНМОРИЗДАТ · 1940

БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

В. АНЦИФЕРОВ

АДМИРАЛ УШАКОВ

ВОЕНМОРИЗДАТ НКВМФ СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

В книге В. Анциферова „Адмирал Ушаков“ показана жизнь и деятельность одного из виднейших русских флотоводцев — Ф. Ф. Ушакова.

Книга рассчитана на массового читателя.

Редактор *Л. Розанова*
Техн. редактор *А. Усова*
Корректор *А. Виноградова*

Сдано в производство 3/II 1940 г.
Подписано к печати 15/III 1940 г.

Формат бумаги 70×108 1/32
Объем 1 7/8 печ. л.
В 1 печ. листе 118 000 знаков

Тираж 10000 экз.
Уч.-авт. л. 2,52.

№ Г 127048
Изд. № 222
Заказ № 1017

Адрес изд-ва: Ленинград, здание Гл. Адмиралтейства

Тип. артели „Советский Печатник“. Ленинград, Моховая, 40

МОРСКОЙ ШЛЯХЕТНЫЙ КОРПУС

Ранней весной 1761 года у одной из петербургских застав со скрипом остановились старенькие, много видавшие на своем веку почтовые сани. С любопытством оглядев выстроившиеся по тракту дома, вереницу возков у питейного заведения, седок — плечистый и коренастый парень — не спеша вылез из саней. Размяв затекшие ноги, слегка покачиваясь, он направился к полосатой будке, притулившейся к шлагбауму.

Рослый гренадер осторожно взял подорожную и, придерживая ружье локтем, принялся читать по складам:

— Дво...рян...ский сын... Федор Ушаков... отбывает... в морской шляхетный корпус...

— Так, стало быть, на государеву службу прибыл, — сказал он, прочитав покрытую аккуратными завитушками бумагу. — Ну, добре, добре. Хватишь стужи да нужи — узнаешь царскую службу.

Взяв подорожную и не обратив внимания на замечание хмурого гренадера, будущий моряк быстро зашагал по широким и прямым улицам неустанно строящегося города.

Вот и Нева. Красавица река, с которой впервые на морскую ширь Балтики вышли русские корабли, была скована льдом. На другой стороне реки стоял большой военный корабль. Его рангоут был убран, а палуба и пушечные амбразуры запорошены снегом. Спрыгнув на лед, Ушаков торопливо побежал к кораблю. С залива дул влажный февральский ветер, от которого снег делался рыхлым, как тающий сахар.

Моря Федор Ушаков никогда не видел: откуда взяться в Тамбовской губернии морю. Но рассказы о нем односельчанина Ефима, служившего бомбардиром «при самом Петре Алексеиче», с детства пленили его ум и сердце.

Стоило, бывало, старому Ефиму начать речь, и перед глазами Федора Ушакова вставали бескрайние просторы морей, гавани, наполненные кораблями, шумные ватаги матросов.

...Откуда-то донеслись звуки команды: «Э-эй... Взяли! Тяни разом!»

Поднявшись на обшитый бревнами берег, Ушаков увидел матросов, тянувших волоком огромные мачтовые деревья. Приставленный к ним подшкипер надрывисто и хрипло подавал команду:

— Давай, давай, братушки!

«Что ж это их вместо лошадей?» — подумал Ушаков про матросов. Хотелось сказать что-нибудь приветливое, да застеснялся и вместо этого спросил:

— Как в шляхетный корпус пройти?

Подшкипер посмотрел на его потрепанный, с отцовского плеча, кафтан, рыжие сапоги и медленно произнес:

— Да так, друже, все прямо и иди, спроси дом Миниха, там шляхетный корпус и будет.

Преобразованный из Морской академии, корпус уже десять лет переживал «переходный период». Преподавание было никуда негодным, внутренний распорядок не соблюдался. Начальство о своих воспитанниках почти не заботилось. Кадетам, чтобы не замерзнуть в нетопленных спальнях, приходилось воровать дрова.

Вне классного времени воспитанники были предоставлены самим себе. Сильный господствовал над слабым. Издевательства над новичками поощрялись: по мнению начальства, это развивало в будущих офицерах терпеливость и послушание. В корпусе применялась порка.

В такую-то среду и попал Ушаков.

Ему, выросшему в деревне и обученному грамоте сельским священником, пришлось жить и учиться с заносчивыми сынками высокопоставленных вельмож.

— Ха-ха-ха! Ну и дворянин — обладатель 19 ревизских душ, — смеялись они над «лапотным видом» Ушакова.

Но скоро Ушаков заставил изменить отношение к себе. Однажды кадеты играли в «смотр». Игра заключалась в том, что принимавший смотр здоровался с выстроившимися кадетами, сидя верхом на плечах новичка. Как правило, коня изображал какой-нибудь кадет незнатной фамилии. И вот однажды верзила в расстегнутом мундире (привилегия старших кадетов) попробовал было «оседлать» Ушакова. Но прекрасно развитый физически Ушаков дал «командующему парадом» такую затрещину, что с тех пор никто к нему больше не подступался.

Природная сметка и успешность в науках быстро создали Ушакову авторитет среди воспитанников и начальства. Через два года после поступления в корпус Ушаков был произведен в гардемарины.[1] Летом он проходил морскую практику, плавая на учебных кораблях.

В мае 1766 года Ушаков окончил Морской корпус мичманом. В списке 59 выпущенных в офицеры воспитанников его имя стоит четвертым. Ушакову 21 год.

ПЕРВЫЕ ПЛАВАНИЯ

По окончании корпуса Ушаков получил назначение на пинок «Нарген». В один из тихих июньских дней этот небольшой кораблик покинул кронштадтский рейд. Пинок держал путь на Архангельск.

Тяжелы были плавания того времени. Солонина и сухари — единственная пища в плавании — пагубно влияли на здоровье. Цынга была бичом мореплавателей. Она уносила больше жертв, чем самые кровопролитные сра-

---

[1] Гардемарин — воспитанник старших классов Морского корпуса.

жения. И если к этому прибавить постоянную работу на ветру в промокшей одежде и плохую питьевую воду — станет понятным, какой нужно было иметь железный организм, чтобы выдержать все невзгоды морской жизни.

В Архангельске «Наргену» пришлось зазимовать.

Загорелый, пропитанный соленым морским ветром вернулся Ушаков в Кронштадт.

Кампания 1768 года застает его на корабле «Три иерарха», под командованием капитана 1 ранга С. К. Грейга, впоследствии героя Чесменского сражения. Эта кампания явилась хорошей практической школой для Ушакова.

Грейг был большим знатоком морского дела и стратегии. Заботливо и неутомимо обучал он команду орудийной стрельбе; по часам держал у себя командиров, объясняя основы морской тактики. Капитан Грейг ценил удаль и сметливость своих подчиненных.

Матросы на баке говорили про своего командира:

— Твердый человек. У него язык зря полоскаться не будет. Дело капитан знает, вот и с других спрашивает.

Служба на флоте была суровой. «Матрос не красная девица» — говорили обычно тем, кто хотел как-либо облегчить участь матросов. За малейшую провинность строго наказывали. Матросы говорили: «Недовернешься — бьют и перевернешься — бьют».

С корабля в те времена увольнялись редко. О береге думали мало — идти на шлюпке далеко и долго. Если случалось свободное время, ходили на шлюпках по рейду. Кронштадт был местом ссылки — всюду встречались каторжники. Населения было мало. Развлечений никаких. Первая библиотека в Кронштадте была создана полвека спустя.

Процветало пьянство. Матросам каждый день выдавалась чарка водки, а в штормовую погоду и две. «Цар-

ский подарок» — крякнув говорили матросы, получив очередную порцию губительного зелья.

Попав на берег, матросы топили в вине все горести тяжелой службы.

Вот отчего молодые офицеры считали самым скверным поручением — возить команду на берег в баню. Обычно в таких случаях все напивались, и стоило больших трудов собрать, посадить, а то и уложить захмелевших матросов в шлюпку.

Как-то приказание сопровождать людей в баню получил Ушаков.

Шлюпки уже отвалили от корабля, когда один из мичманов, сверстник Ушакова, шутливо крикнул:

— Гляди, не растеряй молодцов.

— Не беспокойся, будут чисты, как стеклышки: курс-то ведь на баню держим, — в тон ответил ему Ушаков и тут же обратился к матросам: — Слышали, братцы? Не подведете?

— Не извольте беспокоиться. Вас-то, Федор Федорович, не подведем, — ответил ему за всех старослужащий марсовой.

Молодого мичмана, умеющего по душам поговорить с моряками, никогда не гнушавшегося «бакового общества», любила вся команда.

Ушаков знал о своем влиянии на моряков, но все же опасался — выдержат ли... Ведь берег и кабак были почти равнозначным понятием.

Тревога оказалась напрасной: в назначенное время все были на сборном пункте.

ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ

Ушаков провел лето 1768 года в шлюпочных и парусных учениях. А к осени поползли слухи о готовящейся войне с Турцией.

Начались лихорадочные приготовления к войне. Готовились армии под начальством Голицына и Румянцева.

Восстанавливались старые днепровские и донские верфи. На Дон срочно отправили три тысячи мастеровых из подмосковных губерний.

В Павловске, Выкорце, Новопавловской, Хоперской крепостях строились суда. В Выкорце отыскали четыре старых прама (пловучие батареи). Для строящихся вновь судов из Балтийского галерного флота послали 1300 матросов. Голландские, датские, английские офицеры получили приглашение вступить в русскую службу. Готовилась эскадра и на Балтике. В конце 1768 года Ушаков прибыл с партией матросов в Воронеж — колыбель русского флота.

Для более успешного ведения войны было решено одновременно с военными действиями на Черноморском побережье и море провести диверсию в тылу Турции, в Греции и Архипелаге. Угнетаемые турками греки были на стороне России. В Черногорию, Албанию, Молдавию, Валахию выехали агенты; из Кронштадта на голландском корабле были отправлены деньги и оружие для греческих повстанцев.

Руководитель всей операции А. Г. Орлов избрал местом своего пребывания Флоренцию. Вскоре туда прибыла эскадра, отправленная из Балтийского моря.

В 1770 году русская Средиземноморская эскадра приступила к военным действиям. 26 июня[1] русскими брандерами был уничтожен турецкий флот в Чесменской бухте. Турки потеряли в этом сражении около десяти тысяч человек. Русский флот стал хозяином Эгейского моря. Наши корабли подошли к Дарданеллам.

Успешны были действия и сухопутных войск. При Кагуле русская армия под начальством Румянцева разбила стопятидесятитысячную армию противника. Русские войска заняли левый берег Дуная, крепости Измаил, Килия, Браилов и Бухарест.

---

[1] Все даты даны по старому стилю.

Операции в Архипелаге и успешное продвижение армии Румянцева связали действия турок. На Черном море наши корабли несли главным образом крейсерскую службу.

Ушаков в начале войны плавает на праме № 5, затем переводится на фрегат[1] «Первый». В 1772 году он командует палубным ботом «Курьер», ходит в Феодосию, Таганрог, несет брандвахтенную службу у Керчи. В следующем году Ушаков получает корабль «Модон», на котором плавает вдоль берегов Крыма.

Плавание на вновь построенных судах требовало большого искусства. Плоскодонные, наспех сделанные, они сильно дрейфовали, плохо разворачивались. Точных карт не было. Прокладывали курс по картам, изготовленным несколько десятков лет назад. И часто, произведя все нужные расчеты, командир корабля в недоумении осматривался вокруг: за бортом виднелось море, а по карте выходило, что корабль давно уже идет... по степи.

В 1774 году Турция, разбитая в боях на Дунае, лишившаяся флота, вынуждена была подписать Кучук-Кайнарджский мир. Он доставил России свободу плавания на Черном и Азовском морях, чего Россия была лишена после войны с Турцией 1736—1739 годов. Земли, лежащие между Днепром и Бугом, и крепость Кинбурн, а также Керчь, Еникале перешли во владение русских; кроме того России были возвращены Азов, Таганрог и часть побережья Азовского моря. Была провозглашена независимость от Турции Крымского ханства, кубанских, буджакских и ногайских татар. Река Кубань сделалась границей между двумя империями. Мирный договор предоставлял русским торговым судам такие же права в турецких водах, какими пользовались англичане и французы. За Турцией осталась Очаковская крепость. Турции

---

[1] Фрегат — трехмачтовый военный корабль с одной закрытой батареей и артиллерией на свободных местах верхней палубы (от 36 до 60 пушек).

были возвращены Бессарабия, Молдавия, Валахия и все острова Греческого архипелага.

К зиме суда Черноморской эскадры пришли в Таганрог. Остальные оперировавшие в Архипелаге корабли вернулись в Балтийское море, кроме пяти небольших фрегатов, оставленных по особому распоряжению в Италии, в Ливорно.

СНОВА НА БАЛТИКЕ

Война окончена. На Черном море смолкли орудийные выстрелы. Ушаков вместе с несколькими офицерами переводится обратно в Балтийский флот. Однако, его плавание в водах Балтики было недолгим.

В Петербурге снаряжается особая экспедиция. Адмиралтейств-коллегия получила указ: «Отправить из Петербурга русские товары на казенный счет, для продажи в иностранных местах». Три военных фрегата поднимают купеческие флаги. 15 июля 1776 года, наполнив трюмы различными товарами, фрегаты отправились в необычный рейс. Их сопровождал фрегат «Северный орел», шедший под военным флагом.

На нем находился и Федор Федорович Ушаков. Крепко любивший море, он с радостью узнал о назначении его командиром одного из фрегатов, оставленных в Ливорно. Поход был хорошей практикой. Через два месяца после начала плавания фрегаты пришли в Ливорно. Ушаков сразу же вступил в командование 26-пушечным фрегатом «Св. Павел». На нем он совершал рейсы в Константинополь, Гибралтар и другие порты Средиземного моря. Почти три года длилось это плавание в чужих, далеких морях.

По возвращении в Кронштадт Ушаков получил назначение на императорскую яхту. По тем временам это была высокая, ответственная должность. Стать командиром императорской яхты в чине капитан-лейтенанта считалось удачей. Ушакова все поздравляли, но он был недоволен. Прямодушный, лишенный и тени угодниче-

ства, привыкший к просмоленной палубе боевых кораблей. Ушаков точно в клетке чувствовал себя на раззолоченной яхте, среди блестящих придворных. Это был не его мир. Истинному моряку дикими казались забавы светских бездельников. А о характере их времяпровождения можно судить по любопытной записи в дневнике одного из придворных: «Вельможи хвалились перед императрицей своей ловкостью и делали из пальцев разные фигуры: фельдмаршал Салтыков правой ногой вертел в одну сторону, а правой рукой в другую, в одно время».

Ушаков явно не подходил к роли командира увеселительного корабля. И это скоро заметили. Через месяц «неуклюжего и мужиковатого» капитана убрали.

Без сожаления расстался Ушаков с императорской яхтой. Плавание на ней, при его характере, не сулило ничего хорошего.

Всем был памятен случай с капитаном 2 ранга Суковатым, происшедший всего за два года до этого. У Красной Горки производился смотр флота. Одна придворная яхта, подходя к якорному месту, случайно задела яхту императрицы. Встревоженная Екатерина вышла на палубу. Бывший наверху вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф Чернышев стал грозить командиру яхты кулаком и кричать: «Запомнишь ты мне этот случай». Суковатый, испугавшись гнева начальства, бросился в воду и утонул.

В 1780 году на 64-пушечном корабле «Виктор», в составе эскадры Сухотина, Ушаков снова уходит в Средиземное море для охраны русского торгового плавания.

ЧУМА В ХЕРСОНЕ

Россия по-хозяйски обосновалась на Черноморском побережье.

Вырастали новые города, крепости, строился военно-морской флот. В 1778 году на Днепре закладывается новый город Херсон. В нем оборудуются верфи, адми-

ралтейство. Усиленно развивается судостроение и на Азовском море, в Таганроге. В 1783 году к России присоединяется Крым. А в следующем году основывается порт и база Черноморского флота — Севастополь. Утверждаются первые штаты Черноморского флота: 12 линейных кораблей, 20 фрегатов, 5 ботов, 8 транспортов, 10 плашкоутов.

Жарким летом 1783 года из Петербурга в Херсон на строящийся флот прибыл Ушаков с новым пополнением.

Неожиданно появилась эпидемия чумы. Сотнями гибли люди. Едким густым дымом окутались селения. Всюду дымились кучи навоза, которым окуривались от заразы. При встречах люди держались наветренной стороны. Ничто не помогало. Строительство караблей приостановилось.

Прибыв в Херсон, Ушаков со свойственной ему энергией начал бороться с чумой. Он правильно решил, что самое главное — надежная изоляция больных, уничтожение очагов болезни, соблюдение санитарных условий.

Команду своего будущего корабля Ушаков разместил в степи, в палатках. Моряки были разбиты на артели. Несколько в стороне от больших артельных палаток соорудили маленькую больницу и карантинные одиночные палатки. Если в какой-нибудь артельной палатке оказывался больной, его отправляли в больницу, а всех общавшихся с ним — в одиночные палатки. Артельная палатка и белье ее обитателей сжигались.

Ушаков тщательно следил за чистотой матросов: заставлял их чаще мыться, а белье и одежду проветривать и окуривать.

В лагерь никто посторонний не допускался. При возвращении матросов с верфи в лагерь каждый офицер должен был подать Ушакову письменный рапорт — кто, сколько времени и на какой работе находился.

Результаты мероприятий Ушакова не замедлили сказаться — в его команде чума была сразу же пресечена. За успешную борьбу со страшной болезнью Ушаков получил орден. Инициативу Ушакова ставили в пример другим командирам.

ВТОРАЯ ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ

Наконец, после огромных трудностей корабль Ушакова — 66-пушечный «Св. Павел» — вступил в строй.

В это время Черноморским флотом и портами на побережье Черного моря командовал Потемкин. Карьера этого фаворита императрицы была головокружительна. Начав службу поручиком, он быстро становится генералом, получает графское, а затем и княжеское звание. В 1775 году Потемкин становится полным властителем Тавриды, с неограниченными полномочиями.

По достоинству оценив способности Ушакова, Потемкин поручает ему устройство линейного флота. Командовал же флотом граф Войнович, выходец из Черногории, человек, не отличавшийся большой храбростью.

Между тем над Черным морем опять собираются грозовые тучи. Турция ждет лишь удобного случая, чтобы начать новую войну.

Осенью 1787 года турецкая эскадра под командованием капудан-паши Эски-Гассана подошла к Очакову. Не ожидая формального объявления войны, турки напали на фрегат «Скорый» и 12-пушечный бот «Битюг», стоявшие в Днепровском лимане.

Шесть часов продолжалась перестрелка двух русских судов с целой эскадрой. К концу боя русские корабли, потопив один турецкий корабль, отошли к Глубокой пристани.

Командующий Севастопольским флотом Войнович получил приказание «собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших... Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя б всем пропасть».

Русский флот вышел в море, но плавание было неудачным. Эскадра вскоре попала в жестокий, осенний шторм, который рассеял все суда. Фрегат «Крым» потонул. Корабль «Св. Магдалина» был унесен в Босфор и попал в плен. Остальные корабли, сильно поврежденные, едва смогли вернуться в Севастополь. На флагманском корабле «Слава Екатерины» шторм сломал все три мачты, свалившиеся за борт. Корабль Ушакова «Св. Павел» также оказался в бедственном положении и несколько дней носился по морю.

«Не было никаких недостатков ни в рачении, ни в усердии, ни в осторожности, ни в искусстве, — доносил по начальству Войнович о постигшем русский флот несчастье, — а все произошло от слабости судов и их снастей; хотя шторм прежде такой был, но если бы все крепко было, устояло бы».

Воспользовавшись временным ослаблением русского флота, турки делают попытку проникнуть в лиман и разгромить Херсон. Но знаменитый русский полководец Суворов, укрепив Кинбурнскую крепость, расположенную у входа в лиман, разбивает все замыслы неприятеля. Семь раз турки, подкрепленные гарнизоном находившейся в их руках Очаковской крепости, атаковали Кинбурн. В последнюю атаку был высажен пятитысячный десант и завязался бой. Умелое руководство Суворова и отважные действия русской эскадры решили исход сражения. Турки оставили на берегу до трех тысяч убитых и много раненых. Только около 500 человек достигли вплавь своих судов.

Потерпевшая поражение турецкая эскадра покинула Очаковский рейд.

Наступившая зима прекратила военные действия на море. Очаков, оставаясь в руках турок, создавал постоянную угрозу Херсону и флоту, стоявшему в лимане. Турки в любой момент могли использовать крепость как базу для внезапного нападения на Крым. И взятие Очакова явилось главной задачей кампании 1788 года.

Для осады крепости готовилась восьмидесятитысячная армия. Суворов на оконечности Кинбурнской косы установил сильную батарею. Флоту предстояло не допускать к Очакову турецкие корабли. Однако, командующий флотом Войнович всячески стремился уклониться от боя, и это дало возможность эскадре Эски-Гассана подойти к Очакову. Султан предписывал турецкому адмиралу истребить русский флот в лимане, завладеть Кинбурном, Херсоном и оттуда следовать в Крым.

Турецкие корабли, построенные под руководством французских мастеров, скоростью хода и мореходностью превосходили русские, изготовленные наспех на речных верфях. И артиллерия была у турок дальнобойнее. Их пушки большею частью были медные, тогда как у русских чугунные, которые часто разрывались.

Но султан, отдавая категорический приказ об истреблении русского флота, не учел патриотизма русских моряков и их непреклонной воли к победе.

Военные действия у Очакова начались геройским подвигом капитана 2 ранга Сакена. Едва дубель-шлюпка, которой командовал Сакен, вышла из Кинбурна, как за ней погналось свыше 30 турецких судов. Видя бесполезность сражения, Сакен пытался уйти в устье Буга. Шесть часов гнались турки за дубель-шлюпкой, не желая упускать легкой добычи. Когда суда противника стали настигать шлюпку, Сакен приказал команде итти на ялике вперед, а сам остался для встречи врага. Он пытался развернуть свое судно, чтобы напоследок из носовых орудий послать в преследователей хотя не-

сколько ядер. Но турецкие галеры с полного хода подлетели к шлюпке и свалились с ней бортами. Тогда Сакен с зажженным фитилем спустился в пороховой погреб. Вместе с дубель-шлюпкой и ее героем-командиром на воздух взлетели четыре галеры врага.

Этот подвиг так напугал турок, что они впоследствии долго еще боялись сцепляться на абордаж с русскими кораблями.

В июне у Очакова произошли первые морские сражения. До шести тысяч личного состава и 14 кораблей потеряли в них турки. С берега турецкий флот громили батареи Суворова. Потрепанная турецкая эскадра вынуждена была отступить.

1 июля под Очаковым происходит новое морское сражение. Турки снова терпят поражение и теряют 13 судов, из которых 4 были взяты в плен.

Тогда капудан-паша получает подкрепление: 17 линейных кораблей, 8 фрегатов, 3 бомбардирских и 24 мелких судна составляют теперь его эскадру. Этому флоту русские могут противопоставить только Севастопольскую эскадру, насчитывавшую 2 корабля, 2 фрегата и 24 малых судна.

Однако, турецкая армада долго не решается напасть на численно более слабого противника. Четыре дня лавируют турки в виду русского флота. Наконец, 3 июля противники встретились.

По словам самого Ушакова, это была «первая на здешнем море генеральная баталия».

Ушаков командовал авангардом. Командующий флотом нерешительный Войнович чрезвычайно нервничал перед сражением. Инициативу и ведение боя он возложил на своего младшего флагмана Ушакова. «Если подойдет к тебе капудан-паша, сожги, батюшка, проклятого. Надобно поработать теперича и отделаться на один конец» — умолял он Ушакова.

В 2 часа дня турки начали быстро спускаться по ветру на передовые русские корабли. Капудан-паша на-

меревался обойти и окружить нашу эскадру. Ушаков быстро разгадал этот маневр. Он приказал, не ожидая сигнала старшего флагмана, прибавить парусов и с ветра атаковать голову неприятельской колонны. Противники сближались. Капудан-паша, поставив против 66-пушечного корабля Ушакова один 80-пушечный и два 60-пушечных корабля, сам с двумя кораблями бросился атаковать передовые фрегаты «Берислав» и «Стрелу». Ушаков, расправившись с поставленными против него кораблями, устремился на помощь фрегатам. За ним, также без сигнала флагмана, последовала вся эскадра. Началось общее сражение. Каждый корабль Ушакова сражался против 3—4 турецких, нанося противнику метким и сильным огнем огромные повреждения.

Русские моряки «стреляли в неприятельские корабли не часто и с такой сноровкой, казалось, что каждый учится стрелять по цели, снаравливая, чтобы не потерять свой выстрел».[1] Их огонь был убийственен.

После трехчасового боя турецкие суда стали отходить за линию боя. А когда вышел из строя флагманский корабль, началось общее бегство турецкого флота.

Фактически руководил боем младший флагман Ушаков. После сражения Войнович прислал ему записку, в которой писал: «Поздравляю тебя, батюшка Федор Федорович, сего числа поступил весьма храбро; дал ты капудану-паше порядочный ужин, мне все видно было».

Искусное руководство, правильный тактический расчет, умелые действия команды обеспечили победу русского флота.

Ушаков придавал огромное значение обучению команды, воспитанию из матросов сознательных, решительных бойцов. В рапорте на имя Потемкина он просит за геройство в бою наградить команду и добавляет: «всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи».

Талантливый адмирал уделял огромное внимание

---

[1] Из рапорта Ушакова.

постоянной учебе личного состава, поощрял проявление личной инициативы. Он неустанно воспитывал подчиненных в духе взаимного понимания, разумного подчинения, преданности родине. Он, подобно своему современнику Суворову, умел найти путь к сердцу русского воина. Его слова зажигали матросов.

Новые методы воспитания личного состава, вводимые Ушаковым, многим были неприятны: они казались нарушением авторитета старших. К этому прибавилась зависть к начинающему проявлять себя флотоводцу. На Ушакова посыпались доносы.

В письмах Ушакова часто встречаются жалобы на клеветников, «недоброхотов» и «неблагоприятелей».

Так, например, после сражения у о. Фидониси командующий эскадрой Войнович в своем рапорте тщательно затушевал отважные действия авангарда и дал искаженную картину сражения.

Ушаков вынужден был жаловаться Потемкину. Говоря о Войновиче, флотоводец писал: «Восчувствовал он ко мне некоторую ненависть; все дела, за которые я иногда был похвален, не знаю причины от чего отменно его беспокоят». Он указывал, что Войнович реляцию о сражении «составил по собственным своим мыслям, не соображаясь с рапортами начальников эскадр», что подобный рапорт «отнимает у нас честь и славу, которую отменным случаем заслужили». И в заключение он просил увольнения от службы.

Высоко ценя Ушакова, Потемкин отклонил его рапорт об отставке и даже представил Ушакова к награде.

* * *

Осада Очакова продолжалась. Войнович, опасаясь нападения на Крым, не решался удаляться далеко от берегов. Русским флотом в лимане было поручено командовать контр-адмиралу Мордвинову. 21 октября командующий получил приказ: «Неприятель становится дерз-

новеннее, ежели его оставлять в покое. Всемерно нужно его беспокоить и ставить в положение оборонительное; основываясь на сем правиле, извольте при всяком удобном случае приказать делать поиски или самым делом или оказательствами».

Через шесть дней русский флот напал на турецкие суда, стоявшие под защитой очаковских батарей. Мордвинов в тот же день рапортовал: «Имею честь донести: все 23 неприятельских судна, находящиеся при Очакове, от выстрелов наших потоплены».

Во время осады Очакова произошел следующий характерный случай, показывающий, как в те времена расценивалось проявление инициативы. Мичман Ломбард, завидя несколько кораблей неприятеля, вышел из Глубокой гавани и вступил с ними в бой. Несмотря на превосходство врага, сражение было успешно — 4 неприятельских корабля утоплено. Но поскольку Ломбард пошел в бой без разрешения, Мордвинов арестовал его и отдал под суд. Спасло мичмана лишь заступничество Суворова, свидетеля проявленной им храбрости. Вместо готовящегося наказания приказом Потемкина Ломбард был произведен в лейтенанты.

6 декабря после кровопролитного штурма, в котором было потеряно до 1000 человек убитыми, Очаков был взят.

ПОД ФЛАГОМ УШАКОВА

Если в первую турецкую войну (1769—1774 гг.) главные морские операции происходили в Архипелаге, то во вторую войну центр борьбы переместился в Черное море. Основной причиной такой перемены театра войны было нарушение мира Швецией.

Рассчитывая, что восточному соседу будет трудно вести военные действия на двух концах своей обширнейшей земли, Швеция решила еще раз испытать военное счастье.

В 1788 году перед русскими портами появились шведские корабли. Эскадра адмирала Грейга, готовая выступить в Средиземное море, была задержана. Скоро завязались сражения. Балтийский флот наносил шведам одно поражение за другим: у Гогланда, Роченсальма, Ревеля, Выборга.

В Архипелаге на стороне России действовали лишь две корсарские эскадры, составленные из греческих кораблей и укомплектованные греками. Значение этих эскадр, беспокоивших турок на их коммуникациях и затруднявших подвоз продовольствия в Константинополь, в общем итоге было невелико.

Главные свои силы турки обратили против русского Черноморского флота, во главе которого в конце 1790 года вместо бездеятельного Войновича был поставлен Ушаков.

Турция быстро восстанавливала убыль своего флота. На строительство новых кораблей расходовались сокровища султанских дворцов. В гареме с жен султана сняли драгоценные украшения.

На этот раз многочисленным и сильным турецким флотом командовал молодой и горячий капудан-паша двадцатидвухлетний Гуссейн.

Он горел нетерпением сразиться с Ушаковым и обещал султану возвратить Крым.

Русский флот также усилился новыми кораблями. 16 мая 1790 года эскадра под флагом контр-адмирала Ушакова вышла в море, взяв курс на Синоп. Через пять дней эскадра подошла к турецким берегам. Крейсерские суда, разделенные на три отряда, отправились вперед искать корабли противника, который готовил многочисленный десант для высадки в Крыму. Один отряд крейсеров к вечеру этого же дня захватил два судна врага.

Всю ночь лавировал Ушаков со своими кораблями перед входом в Синопскую бухту, отрезая находившимся там турецким судам путь к бегству. Рано утром русские корабли вошли в бухту и открыли огонь по ту-

рецким судам и береговым батареям. Весь день и следующую ночь продолжалась орудийная стрельба. Крепость и турецкие корабли, укрывшиеся под ее стенами, понесли большие потери.

Вскоре крейсера привели к Синопу еще восемь захваченных судов, груженных пшеницей. Так как два из них были сильно повреждены и не могли совершить переход в Севастополь, то Ушаков приказал перегрузить с них пшеницу и сжечь суда на виду у турок.

24 мая эскадра оставила Синопскую бухту и пошла вдоль берега на восток, истребляя встречные суда противника. Подойдя к Анапе, эскадра бомбардировала эту сильно укрепленную крепость.

Три недели продолжалось победоносное плавание у турецких берегов. Эскадра привела в Севастополь восемь транспортных судов противника с пшеницей и пленными. Двенадцать судов было сожжено и утоплено.

В рапорте начальству Ушаков сообщал, что эскадра обошла всю восточную сторону Анатолии и берега Абхазские от Синопа до Анапы, «господствуя сильной рукой при оных».

Известие о таком дерзком и смелом налете русских на турецкие берега заставило Гуссейна поспешить с выходом в море.

Но Ушаков тоже не зевал. Он день и ночь готовил флот к новым победам: тренировал команду в быстрой постановке парусов, приказывал «для моциону бегать через салинг, дабы обучить людей к скорому и красивому управлению каждого дела». Ушаков был уверен, что с русским «флотом можно не только румельским берегам навести страх и беспокойство, но и Константинополь не останется спокойным».

Русские корабли много плавают. «Я всегда больше желаю быть на море, чем в гавани», — говорит Ушаков.

В письме своему сослуживцу флотоводец подчеркивает, что «весело время проводил в походе, а возвратясь сюда, принужден опять заняться за скучные письмен-

ные дела». Он считает, что для моряка настоящая жизнь только в море.

Имея основания ожидать появления неприятельского флота со стороны Анапы, Ушаков направляется с флотом в количестве 33 вымпелов к Керченскому проливу. Его предположения оправдались. 8 июля в половине десятого утра, при бурной погоде, со стороны Анапы показался турецкий флот в составе 36 кораблей, идущий под всеми парусами на сближение.

Первый турецкий выстрел послужил сигналом к общему сражению. Главная атака турок была направлена на авангард русской эскадры. Командовавший передовыми кораблями капитан Голенкин стойко выдержал натиск сильнейшего врага и своим огнем привел турок в расстройство. Дистанция между эскадрами все уменьшалась. После часовой перестрелки Ушаков поднял сигнал: «Следовать движению флагмана» и повел свой флот в наступление. В густом дыму, прорезав линию неприятеля, русские с наветра напали на турок, осыпая их градом картечи и ядер. Русские, сблизившись до полукабельтова, стреляли почти в упор. Турки были плохими артиллеристами: их снаряды пролетали мимо цели. Вскоре флот Гуссейна пришел в полное замешательство. Уходя от метких выстрелов русских, турецкие суда поворачивали на разные галсы. Жестоко пострадал и корабль капудан-паши. Флаг младшего турецкого флагмана был сбит. Через шесть часов боя неприятель стал искать спасения в бегстве. Только наступившая темнота спасла турецкий флот от полного разгрома. Ушаков всю ночь преследовал противника.

Наша артиллерия произвела жестокое опустошение на судах, переполненных десантными войсками.

25 августа Ушаков снова выходит на поиски неприятеля. Через три дня плавания с салинга флагманского корабля заметили стоящий у Тендровской косы турецкий флот. На этот раз в советники молодому Гуссейну дали престарелого Саид-Бея.

Приказав нести все паруса, Ушаков устремился на турок. Такая решительность вызвала на кораблях противника панику. Турки начали рубить канаты и в беспорядке бежать на восток.

«Испуган — наполовину побежден». Этого правила Суворова придерживался и Ушаков.

Русский флагманский корабль поднял сигнал «усилить погоню». Скоро стало видно, что задние суда турецкой эскадры возможно отрезать. Ушаков лег на пересечку курса. Капудан-паша, чтобы защитить свои суда, вынужден был принять бой. Турецкий флот скоро потерял всякий строй. Русские корабли входили в интервалы между судами противника и громили его. Корабль Ушакова одно время сражался с тремя турецкими судами и заставил их выйти из строя.

На рассвете следующего дня можно было видеть турецкие суда, рассеянные по всем направлениям.

Фрегат капитана Нелединского оказался случайно окруженным несколькими неприятельскими кораблями. Но турки не замечали присутствия среди них чужого судна. Русский фрегат, не поднимая флага, шел некоторое время вместе с турками. Улучив удобный момент, фрегат поднял флаг и под всеми парусами на глазах изумленных турок достиг своего места в строю русской эскадры.

Два турецких корабля оказались под ветром, один из них был под флагом Саид-Бея. Ушаков послал против них несколько кораблей. Турки дрались отчаянно. Но сила была на стороне русских. Скоро один корабль, лишившийся капитана, вынужден был сдаться. Упорствовал лишь Саид-Бей. Его только что спущенный с верфи корабль был совершенно разбит; от метко пущенного брандскугеля [1] на нем начался пожар. Приход к месту боя русского флагмана поколебал решимость старого капудан-бея — турецкий флаг медленно пополз вниз. Не

---

[1] Брандскугель — зажигательный снаряд.

успели шлюпки с пленным турецким адмиралом отвалить от борта, как горящий корабль взлетел на воздух.

Потемкин в частном письме так описал об этой победе Ушакова: «Наши, благодаря бога, такого перца туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу».

Разгром турецкого флота открывал нашим гребным судам путь к устью Дуная. Войдя в Дунай, гребная флотилия способствовала взятию Суворовым Измаила.

До глубокой осени плавал флот в эту кампанию и ушел в гавань лишь тогда, когда наступили заморозки и начал валить снег.

СРАЖЕНИЕ У МЫСА КАЛИАКРИЯ

Непобедимого адмирала турки звали Ушак-пашей, его имя внушало непреодолимый страх. Ушаков был грозой всего турецкого побережья.

Султан для усиления своего флота вытребовал суда подвластных ему владений: Туниса, Алжира, Триполи. До восьми адмиралов собралось в весну 1791 года в черноморском флоте султана. Среди них находился и известный своей храбростью алжирский паша Саид-Али. На него султан возлагал особые надежды.

Получив сообщение о выходе турецкого флота из Босфора в Черное море, Ушаков немедленно направился на его поиски.

До русского адмирала дошли слухи о хвастливом обещании Саид-Али привезти Ушакова в Константинополь в цепях.

31 июля противник был обнаружен у мыса Калиакрия. Суда стояли на якорях под прикрытием береговых батарей. Часть команд гуляла на берегу. Как гром средь ясного неба, было появление русских. Турки, завидя неприятеля, в панике начали рубить канаты, даже не успев забрать с берега свою команду. Береговые батареи открыли беспорядочный огонь. Русские, не обращая внимания на выстрелы турецких батарей, смело вошли в

проход между турецкими кораблями и берегом и атаковали противника.

Турки пытались было построить свои суда в боевую линию, но это им не удалось.

Тогда Саид-Али повел свою расстроенную эскадру в контратаку. Решив драться до последней крайности, он велел прибить свой флаг к флагштоку гвоздями, так чтобы команда ни в коем случае не имела возможности его спустить. Весь турецкий флот следовал за пашой, стараясь выиграть ветер.

Ушаков понял намерение турок и погнался за передовым кораблем. Затем он приказал своему флоту спуститься по ветру на врага. На мачте взвился сигнал: «Каждому атаковать соответствующий корабль». Сражение началось.

Ушаков хорошо знал особенности своего противника. Стоило только вывести из строя флагманский корабль турок, как остальными их судами овладевала паника: лишившись руководства, они рассыпались в разные стороны. Ушаков не был сторонником старинных «рыцарских дуэлей», по правилам которых приличным воинской доблести считалось сражение лишь с равносильным соперником: кораблю с кораблем. «Победа любой ценой, при любых условиях» — было его девизом, поэтому он с тремя лучшими своими кораблями обрушился на флагманский корабль Саид-Али. Вскоре корабль турецкого адмирала с перебитыми мачтами и реями, порванными парусами и снастями вынужден был удалиться под ветер и укрыться в середине своего флота.

Место корабля Саид-Али заступил вице-адмиральский корабль, но скоро и его постигла та же печальная участь.

Чтобы ликвидировать последнее сопротивление противника, Ушаков, опять-таки вопреки принятым тогда «правилам военной науки», строго наказывавшим во всех без исключения случаях соблюдать неразрывную линию баталии, задержав ход своего корабля, уклонился

под ветер, прорезал линию неприятельских судов и, войдя в их середину, открыл сокрушительный огонь на оба борта. Этим маневром, исполненным и другими кораблями, был спутан весь турецкий строй. Смешавшись в кучу и подставив русским кораблям кормы своих судов, турки стали спускаться под ветер. Флот Ушакова, окружив разбитого неприятеля, засыпал его снарядами.

Перемена ветра, густые облака порохового дыма и наступившая темнота позволили туркам спастись от полного поражения.

Сражение у мыса Калиакрия еще раз доказало талантливость Ушакова. Блестящая тактика Ушакова, его исключительное мастерство в управлении боем и личное мужество способствовали победе русского флота. Туркам не помогли и английские офицеры, управлявшие артиллерийской стрельбой почти на каждом их корабле.

На русской эскадре было всего 17 убитых и 28 раненых, тогда как турки потеряли три корабля и сотни убитых на каждом корабле. Только на корабле Саид Али было 450 убитых.

Турки искали спасения у берегов, их суда с пробитыми бортами и поломанным рангоутом не могли больше держаться в море.

Одна лишь алжирская эскадра кое-как ночью добралась до Константинопольского пролива, но и то, войдя в пролив, корабль Саид-Али стал тонуть. Пушечные выстрелы с гибнущего корабля всполошили всю столицу.

Ужасный вид адмиральской эскадры, весть о разгроме флота, слухи о готовности Ушакова напасть на Константинополь заставили султана поспешить с заключением мира.

К верховному визирю, сражавшемуся с русской армией, в тот же день поскакал гонец с султанским предложением о немедленном заключении мира.

По мирному договору за Россией осталось все северное побережье Черного моря от Днестра до Кубани. Этим Россия в значительной степени была обязана Ушакову.

Неузнаваемо преобразилась база Черноморского флота — Севастополь за время командования Ушакова флотом и портом. Город быстро рос и благоустраивался.

Историк Головачев в своей «Истории Севастополя», вышедшей в 1872 году, писал: «Порт Севастопольский за последующее время управления Ушаковым гораздо быстрее обстроился новыми зданиями, нежели во все продолжение своего прочего существования».

Ушаков строит новые, каменные казармы, госпитали. Возмущенный замеченными в госпитале непорядками, он отдает приказ улучшить питание больных, ежедневно варить кисель, достать пшеничной муки для булок, свежей капусты, «дабы лучшим содержанием людей подкрепить и привести в здоровье» и тут же наставляет, что «необходимо стараться о здоровье служителей».

Даже уходя в море, он не забывает остающихся на берегу больных моряков. Своему заместителю Ушаков приказывает следить за постройкой госпиталя, «заботиться о здоровье служителей».

Особое внимание командующий уделяет боевому совершенствованию флота, содержанию его в постоянной боевой готовности. Частые выходы в море, пушечные и ружейные стрельбы стали при Ушакове системой.

Командующий лично контролирует ремонт старых и строительство новых кораблей. При посещении верфей и доков он вникает во все мелочи. В одном из своих приказов Ушаков благодарит за быстрый ремонт кораблей «разных чинов мастеровых», изъявляет признательность «в многотрудных работах» корабельному подмастерью Юхарину.

Денег на содержание флота присылалось мало, поступали они нерегулярно. Даже при бережном расходовании их нехватало, приходилось занимать у частных лиц, тратить свои собственные.

В письме интенданту Афанасьеву Ушаков жалуется: «Мне через правление отпущено здесь на экстраординарную сумму только 1000 руб., что я из них могу сделать или купить? Дохожу до такой крайности, если правление не позволит покупать необходимо подобных вещей, заложить хоть собственный дом и покупая исправить все необходимости, дабы быть готову». Кстати сказать, личные деньги Ушакова, затраченные на ремонт кораблей, были возвращены ему царем лишь через десять лет.

В январе 1791 года Ушаков назначается руководителем Черноморского морского правления. Ушаков с головой уходит в дела флота. Его деятельность этого периода крайне разнообразна. Наряду с боевой учебой и строительством флота он улучшает санитарное состояние Севастополя, организует загородные гулянья моряков, заботится о питании команд.

Но, к сожалению, Ушакову недолго пришлось возглавлять Черноморский флот. После смерти Потемкина председателем Черноморского морского правления Екатерина снова назначает лично известного ей Мордвинова. За Ушаковым остается командование действующим флотом.

Ушаков — гроза турок, славный руководитель Черноморского флота — поступает под команду Мордвинова. Недовольный своей прошлой отставкой, Мордвинов старается всячески мстить занимавшему его пост Ушакову, хотя «он в оном определении никакими происками не участвовал и безвинен».[1]

Завистники и враги Ушакова пытаются скомпрометировать его военные успехи, пускают сплетни о совершенных якобы им ошибках, о том, что другой на его месте сделал бы значительно больше. Все это огорчает Ушакова, отравляет ему жизнь, отнимает у него массу времени на никому ненужную переписку.

---

[1] Из журнала Адмиралтейств-коллегии за 1798 год.

* * *

6 ноября 1796 года умерла Екатерина II. Ее преемник Павел издает множество указов, переделывает все на свой лад.

Черноморское правление становится подчиненным Адмиралтейств-коллегии в Петербурге. Ушакову приказано подавать рапорты кроме своего непосредственного начальства также таврическому губернатору графу Каховскому.

17 ноября вводится новая форма одежды. Личный состав всех флотов одевают в зеленые мундиры и белые брюки. Нарушение формы строго наказывается. Галстук и шарф рассматриваются как признаки якобинства. Матросов начинают обучать фронтовой службе. В это время широко была распространена морская поговорка: «Кафтан зелен, да бит ежеден».

23 ноября утверждается новый морской устав.

Ненавидевший всех фаворитов Екатерины Павел всюду смещает их и ставит своих клевретов. Его ненависть, желание вытравить все, что напоминало бы ему о прошлом царствовании, не имеют границ. Корабль «Граф Орлов» переименовывается в «Михаил». Севастополь получает свое первоначальное название — Ахтьяр.

Доверенным лицом Павла становится адмирал Кушелев, охарактеризованный одним современником как «старик ума ограниченного, без познаний, без опытов, без честолюбия».

Необузданный самодур, ссылавший в Сибирь целые полки, не угодившие чем-либо на параде, Павел, как огня, боялся революционной «заразы». Он усилил цензурный режим, запретил поездки дворян за границу, ввоз иностранных книг, нот и даже платьев. Деятельный организатор войны против революционной Франции, Павел послал для борьбы с ней Суворова в Итальянский поход, Ушакова — в Средиземное море.

Никогда Западная Европа не переживала более тревожных годов. Это было десятилетие (1779—1789 гг.) ошеломляющих побед французских революционных войск. Неопытное, но многочисленное ополчение целой нации стремительной лавиной сокрушало войска европейских коалиций. Воодушевленные идеями свободы, братства и равенства, французские солдаты показывали невиданные героизм и самоотверженность. Новые люди создали новую тактику. Окаменелым формам линейного боя они противопоставили рассыпной строй: легкие подвижные колонны, способные быстро передвигаться и вести сражение на любой местности. Такая тактика «была создана французской революцией, изменившей свойства солдат».[1] Французскую армию возглавляли талантливые военачальники, зачастую выдвинутые из рядовых бойцов. «Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл» — говорил Наполеон Бонапарт. Старые армии повсеместно терпели поражения.

Наседавшие на Францию враги были скоро изгнаны из пределов страны. Но еще быстрее изменился характер войны. «Войны великой французской революции, — указывает Ленин, — начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистические, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона».[2]

Армия, руководимая Бонапартом, меняет свое лицо, свои цели. Французские войска вторгаются в Голландию,

---

[1] Фр. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 120.
[2] Ленин, т. XIX, стр. 181.

Венецию, Ломбардию. Генерал Бонапарт наносит тяжелые поражения Австрии. Под угрозой столица империи. Венский двор вынужден идти на тяжелый мир. В руки Франции переходят Пьемонт, Ломбардия, важные в стратегическом отношении Ионические острова и крепости Албании.

«Ионические острова представляют для нас бо́льшую ценность, чем вся Италия» — писал Бонапарт Директории. Член Директории министр Талейран отвечал ему: «Для нас нет задачи важнее прочного утверждения в Албании, Греции, Македонии и т. д.».

Павел, как и «просвещенная властительница» Екатерина, одно время заигрывавшая с «вольнодумцами» Запада, давно с тревогой следил за развитием французской революции, за продвижением по Европе французских войск. У России после захвата французами Ионических островов появился опасный соперник на Ближнем Востоке. Возникли опасения, как бы Турция, соединившись со своей новой соседкой, не попыталась вернуть себе черноморское побережье. Ходили кроме того слухи о намерении Франции восстановить Польшу как самостоятельное государство.

В феврале 1798 года Черноморскому морскому правлению, на случай внезапного нападения Турции, приказывается: «Черноморские берега и порты привесть в готовность к обороне и вооружить двенадцать линейных кораблей». Главное начальство над флотом поручается Ушакову.

Между тем французы в Тулоне и других портах вооружали огромный флот. Морские приготовления Франции, истинного назначения которых не знали, вызвали еще большее беспокойство в Санкт-Петербурге.

Ушаков получает именной указ Павла: «По дошедшим к нам сведениям, что французы вводят эскадры в Белое (Мраморное. — *В. А.*) море и как прямого их намерения еще не известно, то повелеваем вам... выйти в море и занять крейсерством от Севастополя до

Одессы, прикрывая все берега свои, буде французская эскадра покусилась бы выйти в Черное море».

19 мая никем не замеченный французский флот вышел из Тулона. На 300 транспортных судах, идущих под охраной 72 военных, находилась 40-тысячная армия. Куда направится эта армада, никто не знал. Английский адмирал Нельсон рыскал по всему морю, отыскивая французов.

Через сорок дней плавания французский флот благополучно достиг Александрии, захватив по пути Мальту, бывшую под особым покровительством Павла.

Турция вскоре убедилась в коварстве своей союзницы. Франция, вместо того чтобы через турецкие земли следовать в Индию — золотое дно Британской империи, — принялась покорять Египет. Огорошенная такой неожиданностью Турция заключает наступательный союз с Россией. Павел давно ждал этого союза. Арест на Ионических островах русского консула, наконец, захват Мальты — были ближайшими поводами к войне России с Францией. К коалиции присоединилась веками враждовавшая с Францией Англия, а затем Австрия.

Ушакову предписывается, соединившись с турецким флотом, действовать против французов.

Это повеление Ушаков получил в море. Выполнить его оказалось далеко не легким делом: кораблей, годных к длительным походам, по существу, не было.

«Корабли и фрегаты в прошлую войну строились с великой поспешностью, только чтобы поспевали на военное дело; от такого поспешного строения не так крепки, а часто и многие хилости уже в членах оказываются. Артиллерия на всех судах тяжелая; посему, когда выхожу в море, стараюсь для сбережения судов избегать крепких ветров и уходить в закрытие к берегам» — писал на следующий день Ушаков морскому министру Кушелеву.

Эскадра стала готовиться к дальнему походу, к боям с сильным и опытным противником.

Оставив наиболее неблагонадежные суда в Севастополе, приняв на эскадру запасы и пополнив личный состав, Ушаков в середине августа вышел в море. Шестнадцать русских кораблей взяли курс на дружественный теперь Константинополь.

РУССКИЕ В ИОНИЧЕСКОМ МОРЕ

На третий день плавания разразился жестокий шторм. Ветер с остервенением рвал паруса, гнул высокие мачты. На двух фрегатах заклинило рули, почти на всех судах появилась течь. Адмирал с тревогой смотрел на свои корабли. Со скрипом переваливались они с волны на волну. Разъяренное море, казалось, вот-вот проглотит отслужившие свой век посудины.

Когда шторм стих, эскадра на траверзе Тарханкутского маяка встала на якорь. Два корабля пришлось отправить обратно. Остальные, исправив повреждения, снова легли на прежний курс.

У входа в Босфор эскадра получила сообщение русского посланника об объявлении Турцией войны Франции и желании турок как можно быстрее видеть эскадру Ушакова в Константинополе.

Скоро показались многочисленные мечети. Высоко подняв головы минаретов, они блестели на солнце разноцветной мозаикой, позолотой. На берегах Босфора толпился народ. Турки радостными криками приветствовали эскадру своего нового друга — грозного Ушак-паши.

Не успела эскадра отсалютовать, как уже была окружена множеством каиков-шлюпок. Все хотели видеть русский флот. Ходили слухи, что даже сам султан, переодевшись в простое платье, инкогнито обошел на шлюпке русскую эскадру и после просил чертеж понравившегося ему флагманского корабля.

Турки удивлялись дисциплинированности и организованности русских моряков. «На всех русских кораблях

меньше шуму, чем на одном турецком канке» — восторгались они.

Ушаков в своем рапорте начальнику сообщил: «По всему видимому, блистательная Порта и весь народ константинопольский прибытием нашей эскадры бесподобно обрадованы; учтивство, ласковость и доброжелательство их во всех случаях совершенны».

Соглашение с Турцией предусматривало усиление эскадры Ушакова турецкими кораблями. Снабжение соединенной эскадры турецкое правительство взяло на себя.

На состоявшемся вскоре военном совещании в присутствии русского и английского посланников было решено начать военные действия с освобождения Ионических островов от французов.

Учреждение на островах нового образа правления поручалось Ушакову. Тут же приняли решение оказать помощь флоту адмирала Нельсона, блокировавшему египетский порт Александрию.

В Дарданеллах произошло соединение с турецкой эскадрой, состоявшей из 28 различных судов. Командовал их эскадрой опытный моряк Кадыр-Абдул-Бей.

К Александрии на помощь англичанам, не теряя времени, послали два русских и два турецких фрегата и десять канонерских лодок. Отрядом командовал капитан 2 ранга Сорокин.

20 сентября соединенный флот под флагом Ушакова покинул Дарданеллы.

Не успел еще русско-турецкий флот выйти в море, как другие союзники — Англия и Австрия — начали тайными происками подрывать мощь коалиции.

Австрия послала на Ионические острова (уступленные ею же Франции после уничтожения в 1797 году Венецианской республики) эмиссаров с предложением своего покровительства, советовала жителям островов поднять австрийский флаг.

Честолюбивый Нельсон сам хотел захватить Ионические острова. Видя в Ушакове серьезного конкурента

и поэтому стремясь задержать отплытие русского флота, он писал английскому посланнику в Константинополе: «Я намерен обратиться к Мальте, Корфу и прочим островам этим; почему надеюсь, что русскому флоту назначено будет находиться на Востоке; если же допустят их утверждения в Средиземном море, то Порта будет иметь порядочную занозу в боку». Через три недели он снова напоминает тому же посланнику: «Я надеюсь в скором времени показаться у Корфу, Занте[1] и прочих. Посылаем вам прокламацию, написанную мною к жителям тех островов. Порта должна знать, какую опасность готовит себе в будущем, позволивши русским занести ногу на Корфу, и я надеюсь, что она будет стараться удержать их на Востоке».

Но все ухищрения вероломных союзников оказались напрасны. Блестящие действия русской эскадры сорвали коварные замыслы англичан и австрийцев. Русский флот, возглавляемый Ушаковым, быстро занимает один остров за другим.

Первыми пали крепости острова Цериго.[2] Французы храбро оборонялись. Но ядра русских судов и двух установленных на берегу батарей быстро выводили из строя защитников крепости. Несколько орудий противника было подбито. И в последнюю минуту, когда адмирал приказал капитан-лейтенанту Шостаку итти с десантом на приступ, над крепостью взметнулся белый флаг. Комендант крепости торжественно поднес Шостаку крепостные ключи и знамя.

Греческое население острова, изнывавшее от непосильных поборов и контрибуций наполеоновских войск, с восторгом встретило русских. Это было первым триумфом эскадры. Султан, обрадованный решительными действиями русского адмирала, прислал ему в подарок осыпанную бриллиантами табакерку. Все участники штурма были награждены орденами.

---

1 Прежнее название острова Закинф.

2 Прежнее название острова Кифера.

Весть о прибытии русских облетела все острова.

Когда к острову Занте подошли русские фрегаты, обрадованные греки на руках вынесли русский десант со шлюпок. Французы бежали в крепость и, видя бесполезность сопротивления, скоро сдались. 491 пленный, 42 орудия, порох, знамена — таковы были трофеи русских.

В течение шести недель все острова, за исключением прекрасно защищенного Корфу, были взяты.

Сочувствие населения способствовало успехам русских.

На острове Кефалония, услышав о приближении русских, греки сами обезоружили всех французов и скованными посадили на суда. Они пытались перебить пленных. Спас французов только приход русского отряда под командой Поскочина.

Бывший комендант крепости Ройэ благодарил после Ушакова за человеколюбивое отношение Поскочина к пленным и, жалуясь на греков-офицеров, закончил свою речь замечанием:

— Так нигде не обходятся с образованными людьми.

— Вы все называете себя образованными людьми, но деяния ваши не таковы, — вспылил Ушаков. — Положим, все, что вы говорите, — правда, но все же лучше посидеть несколько дней скованными, нежели сделаться жертвой озлобленного против вас народа. Вы жалуетесь на греческих офицеров, а они спасли вам жизнь. В ваших бедах вы виноваты сами.

— Я вел себя как следует исправному французскому офицеру.

— А я вам докажу, что нет, — возразил тогда Ушаков, — вы поздно взялись укреплять вверенный вам остров, вы не выстрелили ни из одного орудия, не заклепали ни одной пушки... Жалобы ваши неосновательны, поведение же капитана Поскочина, за коего вы меня благодарите, меня не удивляет.

Особо упорным было сопротивление французов на

острове св. Мавры.[1] Гарнизон укрепился на прекрасной горной позиции, окруженной с двух сторон морем, а с двух других — широкими, наполненными водой рвами.

Командир одного из кораблей эскадры, будущий славный флотоводец Сенявин, получив приказание взять остров св. Мавры, высадил на берег 500 матросов и морских солдат. Десантные войска, с неимоверным трудом поднимая орудия на почти отвесные крутизны, устроили вблизи крепости три восьмипушечные батареи. Турки установили одну батарею на противоположном берегу, отделенном от крепости нешироким каналом. 23 октября начался артиллерийский обстрел крепости, продолжавшийся девять дней. На предложения о сдаче французы отвечали орудийными выстрелами.

Тогда Сенявин попросил подкрепления. 31 октября с частью флота к острову прибыл Ушаков. На следующий день был назначен приступ. Однако, комендант крепости, не видя возможности дальше защищаться, предложил начать переговоры. 5 ноября Сенявин представил адмиралу ключи крепости.

В занятой крепости было найдено 49 мортир и пушек, 11 000 бомб и ядер, до 1000 ружей, 160 пудов пороха, 40 000 патронов и месячный запас провианта.

Непобедимые до того французы начали терпеть поражения от русских.

Береговые крепости на албанском берегу: Бутринто, Превеза, Парга, Воница — также были отобраны у французов.

Когда в Константинополе было получено сообщение о взятии островов, султанский визирь послал Ушакову поздравительное письмо. «Достоинство, деятельность, храбрость ваши, — писал визирь, — обнадеживают блистательную Порту в дальнейших подвигах. Она нелицемерно поставляет вас в число славнейших адмиралов Европы».

---

[1] Прежнее название острова Левкас.

ПОКОРЕНИЕ КОРФУ

Остров Корфу являлся последним оплотом французов. Расположенный на стыке двух морей, он был ключом Адриатического моря. Остров с давних пор привлекал внимание многих народов.[1] Еще во II веке до нашей эры Корфу был завоеван римлянами. После распада Римской империи остров перешел к Византии. А в конце XII века он попадает под власть Венецианской республики. Предприимчивые венецианцы, понимая огромное стратегическое значение Корфу, прежде всего постарались его укрепить.

Во времена Ушакова эта большая крепость, обнесенная со всех сторон гранитными стенами, считалась одной из сильнейших в Европе. Ее укрепления заключались в пяти самостоятельных крепостях, построенных таким образом, что неприятель, завладев одной из этих крепостей, неизбежно подвергался огню остальных. Хорошо укрытые казематы и бастионы располагались по склонам гор. Крепость вмещала от 10 до 15 тысяч гарнизона. Осаждающего на каждом шагу встречали препятствия — глубокие рвы и высокие валы.

Казармы и пороховые погреба были высечены в гранитных скалах. Здания сообщались между собой траншеями и туннелями, также высеченными в горах.

Со стороны моря крепость прикрывал остров Видо, имевший пять батарей с орудиями крупного калибра.

В Корфу находились главные силы французов, во главе с генеральным комиссаром. Трехтысячный гарнизон, при 650 орудиях, был больше чем на полгода обес-

---

[1] В настоящее время Корфу стремится захватить Италия. В 1923 г. Корфу по приказу Муссолини был оккупирован. Однако, под давлением Англии, использующей свое влияние на Грецию и давно уже стремящейся прибрать к своим рукам этот остров, Италия была вынуждена отозвать войска. Захват Италией в апреле 1939 года Албании снова вызвал в Греции, которой принадлежит Корфу, большую тревогу за судьбу острова.

печен продовольствием. Свыше 800 солдат находилось на острове Видо.

На удобном Корфинском рейде под прикрытием крепостей стоял обшитый медью 74-пушечный корабль «Женере» новейшей постройки, а также захваченный в плен английский корабль «Леандр» и еще девять военных судов.

Эту-то неприступную крепость и предстояло взять Ушакову.

Часть соединенной эскадры под командой капитана 1 ранга Селивачева уже полмесяца блокировала Корфу, когда к ней с несколькими кораблями подошел Ушаков. Остальные суда русско-турецкой эскадры либо крейсеровали в море, либо стояли у завоеванных островов.

Отсутствие десантных войск не позволяло начать немедленную осаду.

Турецкие паши, обязанные по союзному договору прислать войска «сколько главнокомандующий потребует», отделывались различными отговорками.

Огорченный таким несоблюдением обязательств со стороны турок, Ушаков писал: «Если бы я имел со мной один только полк русского сухопутного войска, непременно надеялся бы я Корфу взять».

Ушаков сначала рассчитывал на активную помощь местного населения. Однако, греки, притесняемые турецкими войсками, быстро охладели к намерениям союзников. Русскому адмиралу не раз приходилось брать греков под свою защиту от пришедших «освобождать» их турок. Кадыр-Бей не мог справиться со своими матросами, привыкшими к насилиям над греками. Он просил воздействия Ушакова, откровенно признаваясь: «Одно ваше слово более подействует, чем все мои приказы и жалобы, турки привыкли бояться вас с давнего времени».

Французы тайно распространяли прокламации, в которых писали: «Порта оттоманская, для преклонения под свое иго Ионических островов, прибегла к постыдному обману, подняв на некоторых из своих кораблей Россий-

ский флаг, толико греками уважаемый, что, набрав в своей столице несколько бродяг между европейцами, в оной проживающими, она надела на них русские мундиры и сим обманом старается положить оковы на возникающую в краях славной древней Греции вольность».

Эти прокламации сеяли среди населения недоверие, а перспектива попасть под владычество турок пугала греков. В результате вместо ожидаемых 10—15 тысяч милиции из местных жителей едва было набрано около двух тысяч.

Приходилось полагаться только на свои силы. К острову Корфу начали стягиваться корабли эскадры. 9 декабря прибыли два фрегата из Александрии. 30 декабря из Севастополя пришли два 74-пушечных корабля.

К 1 января 1799 года перед Корфу собралось 12 кораблей и 11 фрегатов союзников. Это позволило усилить блокаду крепости. Надежная блокада была необходима — купеческие суда сообщали, что в Анконе французы готовят гарнизону Корфу трехтысячное подкрепление.

На высоких холмах, близ крепости, русские моряки соорудили две батареи, одну из которых охраняло до 1500 корфиотов (жителей острова Корфу). Скоро случай помог проверить их боеспособность. При первой же вылазке французов из крепости корфиоты в беспорядке бросились бежать, без боя сдав батареи. Только отряд русских моряков прогнал французов обратно.

Русский флот крепко стерег Корфу. Французский корабль «Женере» несколько раз пытался прорвать блокаду, но неизбежно попадал под обстрел русских судов. «Корабль французский, — писал в рапорте главнокомандующий, — будучи на ветре, выходит иногда от крепости и шарлатанствует: стреляет издали, не отделяясь от крепости, и потом назад уходит». За одно из очередных «шарлатанств» «Женере» серьезно поплатился: снарядами русских была разбита корма, сделано несколько пробоин и восемь человек убито.

Сенявин, желая разделаться с беспокойным кораблем, просил позволения прорваться между крепостями Корфу и островом Виду и взять «Женере» на абордаж. Но Ушаков не разрешил осуществить этот смелый, но рискованный проект.

Однажды наступила темная, штормовая ночь. Корабли и фрегаты, опасаясь в шторм лавировать в узкостях рейда, встали на якорь. Этим и решил воспользоваться «Женере». Вычернив для маскировки паруса, используя попутный ветер, «Женере» проскочил мимо стоящих на якорях кораблей. Для успеха прорыва французами была устроена ложная вылазка из крепости. Два корабля и три фрегата сразу же помчались вслед за «Женере». Всю ночь продолжалась погоня, но, пользуясь преимуществом в ходе, французу удалось ускользнуть.

Это дало повод к злопыхательству англичан. Нельсон заявлял, что русские «слишком щегольски» позволили французскому кораблю уйти. Но не прошло и пары месяцев, как английская эскадра, блокировавшая Александрию, упустила сразу восемь французских судов.

Нельсон все еще не терял надежды захватить Корфу. Он несколько раз предлагал Ушакову снять блокаду и уйти к северным берегам Италии, хотя этим берегам никто не угрожал. Однако, все ухищрения английского адмирала были напрасны.

Между тем доставка войск Ушакову все задерживалась. Али-паша Янинский, обещая в знак расположения к русским прислать войско под начальством своего сына, на деле не давал ни одного солдата. Не заинтересованный в успехах русской эскадры, Али-паша уговаривал и других пашей не посылать войск, в то же время уверяя обоих адмиралов, что «неприязненные действия соседей задерживают исполнение повелений султана».

Ушаков скоро раскусил политику хитрого паши. В одном из писем русскому посланнику в Константинополе он сообщает, что Али-паша «под ласковым видом старается меня обманывать и льстить мне, но сие, думаю,

для того только, что хочется ему быть главным участником взятия Корфу, и потом каким бы то ни было образом и обманом отделить нас; даже может быть тут скрываются весьма худые его намерения».

Опасения Ушакова полностью подтвердились. Бумаги, отобранные у взятых в плен на острове св. Мавры французов, раскрыли сношения Али-паши с неприятелем. Кровожадный и вероломный деспот Али-паша сам стремился занять Ионические острова, чтобы стать их властителем. Он вошел в тайные переговоры с комендантом крепости острова св. Мавры полковником Миолетом, обещая уплатить Франции за уступку островов 30 тысяч червонцев и отправить за свой счет французские гарнизоны в Анкону.

Ненавидя друг друга, Ушаков и Али-паша продолжали обмениваться любезными письмами.

Наконец, потеряв терпение от бесконечных интриг, Ушаков потребовал от Али-паши категорического ответа: будет он помогать или нет... Войска были присланы, но без боеприпасов и без провианта. Такие войска могли быть только обузой.

Турки своих обязательств по снабжению союзников продовольствием также не выполняли. Редкие суда, приходившие из Константинополя, привозили гнилые сухари. От такой пищи начались массовые заболевания.

Не лучше было отношение и царского правительства. Послав корабли в Средиземное море, оно перестало заботиться о дальнейшей их судьбе. Ни боеприпасов, ни провианта, ни денег на эскадру не посылали.

Чтобы защитить людей от наступивших холодов, Ушаков на собранные с большим трудом деньги закупил албанские капоты — плащи из толстого сукна, которые многим сохранили здоровье.

Русские моряки, чувствуя постоянную заботу своего руководителя, терпеливо сносили все лишения.

Ушаков находился все время среди моряков. Днем

и ночью он обучал их высадке, стрельбе из орудий и ружей, действиям на берегу.

Когда наступил момент решающего наступления, Ушаков дал приказ к нападению на крепость с моря и суши.

План атаки был разработан самим адмиралом. 130 особых сигналов позволяли направлять действия отдельных кораблей и войск.

Взятие острова Видо возлагалось на флот. Приказ, отданный накануне атаки, определял задачу и местоположение каждого корабля.

В особой инструкции десантным войскам говорилось: «Гребным судам с десантом промеж собой не тесниться, для того и посылать их не все вдруг, а одни за другими. Передовые из оных должны очищать дорогу на берегу; рытвины тотчас забросать землею или чем только возможно и где неудобно сходить на берег и переходить места закрытые, там перебрасывать лестницы, с каждого корабля и фрегата взятые, а сверх лестниц бросать доски, по оным и десантные пушки перевозить на берег. Лестницы и доски могут служить местами для переправы через выконанные рвы и канавы. Сказывают, хотя и невероятно, будто есть на острову в некоторых местах набросанные колючки, засыпанные землей и сверх ее травой, так что без осторожности можно на оных попортить ноги, и поэтому надлежит иметь осмотрительность».

Население получило специальные повестки, призывающие к участию в штурме. Но по ним никто не явился — ожидали неудачи.

— Как можно с таким малым числом да еще моряков взять такую крепость, — сомневались нерешительные греки.

Отказалось брать остров Видо и албанское войско Али-паши. Албанцы говорили, что они никогда не отважатся итти на приступ морской крепости, где приготовлены каленые ядра, да и драться-де они умеют только на суше, а не на воде.

Разгневанный трусостью албанцев, Ушаков сказал им:

— Ступайте и собирайтесь все на гору при северной нашей батарее и оттуда, сложа руки, смотрите, как я на ваших глазах возьму остров Видо и все его грозные батареи.

18 февраля в семь часов утра, по сигналу с флагманского корабля Ушакова, началась атака.

Первыми вступили в бой фрегаты. Проходя под парусами вблизи берега, они обстреливали неприятельские батареи. Доходя до своего места, фрегаты становились бортом к атакующей крепости. За фрегатами следовал весь флот. Часть кораблей обстреливала суда неприятеля, а также рейд, не давая подвозить к острову Видо подкрепления. Как всегда, в самый решительный момент Ушаков подал личный пример. Видя упорство наиболее крупной батареи, он поставил свой корабль против нее и в короткое время заставил батарею замолчать.

Турецкие корабли были во второй линии и стреляли по острову через русские корабли, иногда попадая в своих союзников. Так, два турецких ядра пробили борт флагманского корабля Ушакова.

После продолжительной артиллерийской подготовки в трех местах острова начал высаживаться русско-турецкий десант. Преодолевая упорное сопротивление французов, различные естественные и искусственные препятствия, моряки смело продвигались вперед. Турки из эскадры Кадыр-Бея, озлобленные сильным сопротивлением французов, рубили головы даже сдающимся в плен. Русским морякам пришлось защищать пленных от своих союзников.

К двум часам дня над островом уже были подняты русский и турецкий флаги. Половина гарнизона попала в плен. В числе пленных был и комендант острова бригадный генерал Пиврон. Русские моряки нашли его спрятавшимся в огромной бочке. Генерал был объят таким ужасом, что позже за обедом у русского адмирала не

мог даже держать ложку. Руки его тряслись, и он признался, что за всю свою жизнь не видел более ужасного сражения.

Так же успешно было нападение и на главную крепость. До пяти часов вечера корабли и береговые батареи обстреливали крепость орудийным огнем. Наконец, по приказу Ушакова, турки и албанцы, подкрепленные русскими моряками, бросились на приступ. Первая атака была отбита. Союзники ударили еще раз. Храбро защищались французы. Больших трудов стоило выбить их из каждого укрепления, каждого выступа скалы. Карабкаясь на почти отвесные стены, взбираясь по приставленным лестницам, наступающие к вечеру взяли два важнейших бастиона.

Французы, не желая дальше бесполезно жертвовать жизнью, предложили перемирие.

— Я всегда на приятные разговоры согласен, — ответил Ушаков.

20 февраля 1799 года неприступная крепость Корфу впервые в своей истории капитулировала. В плен было взято 2931 человек, захвачено 636 орудий и большое количество боевых и продовольственных запасов.

Покорение Корфу явилось новой блестящей страницей в славной летописи русского военного флота.

Великий Суворов, узнав о взятии Корфу, радостно вскричал:

— Ура русскому флоту! Жалею, что не был при взятии Корфу хотя бы мичманом.

И хотя русский флот сражался соединенно с турецким, все отлично понимали, что боевыми успехами соединенная эскадра обязана только русским морякам.

Действия турецких кораблей и участие турок во взятии Корфу Ушаков так охарактеризовал в своем донесении:

«Вся блокада, во всех рассылках по разным местам и все успехи производились одними моими судами. От турецкой эскадры кого ни посылал я, пойдет часа на два,

а потом возвращается назад: когда же прикажу крейсеровать и не приходить к флоту, то, отошедши, становится на якорь и дремлет...

Ежели судить справедливо, надобно приписать все одной моей эскадре; обе батареи на берегу сделаны и окончены одними только моими людьми. Турки и албанцы за работу ни один человек даже никогда и не принимался. При нападении на о. Видо повреждения, какие случались в корпусе кораблей и рангоуте, все это потерпели одни только мы».

Правительство Павла не оценило самоотверженности и отваги русских моряков.

Спустя полтора месяца после взятия Корфу Ушаков в письме русскому посланнику вынужден был констатировать горькую истину:

«Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся. Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только, по крайней мере, довольствовали нас провиантом, порционами и жалованьем как следует, и служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду, и чтобы при том корабли наши было чем исправить, и мы не могли бы иметь уныния от напрасной стоянки и невозможности действовать».

ДИПЛОМАТ И ПОЛИТИК

Очень редко военный талант сочетается с дипломатическим. Ушаков являл редкий пример такого сочетания. Не только военными доблестями прославился он во время взятия Ионических островов. Все современники и историки единодушно признают знаменитого адмирала незаурядным дипломатом и политиком. Его корреспонденция с Али-пашей, Нельсоном и другими деятелями того времени может и сейчас служить образцом дипломатической переписки.

Ушаков обладал большой политической прозорливостью, своевременно разгадывал и разбивал интриги так называемых союзников.

Обширная переписка с министерствами различных государств, посланниками, рапорта, донесения — все это отнимало массу времени у командующего флотом.

В письме Адмиралтейств-коллегии от 10 марта 1799 года Ушаков жаловался: «При теперешних обстоятельствах, да и всегда дел много, что если бы со мной десять писцов было, не успели бы всего исполнить. Я никого таких не имею, кто бы мог писать, выслушавши от меня только одно содержание, и потому затруднен и измучен бесподобно, так что, теряя последние силы, третий день совсем почти болен... В письменных делах обуза пренесносная; она отягощает меня до бесконечности и отводит от исполнения других важных дел... Но к письмоводству времени мне совсем недостает, да и столько им отягощен, что жизни моей не рад».

Далеко за полночь горел всегда свет в каюте адмирала — дня для «письменных дел» нехватало.

Особенно много хлопот доставила Ушакову организация на Ионических островах самоуправления, когда союзники — англичане, турки, австрийцы — ставили все время рогатки, ни за что не соглашаясь отдать Ионические острова России.

Русский флотоводец, поставленный случаем в роль законодателя, с присущим ему энтузиазмом принялся за новое, незнакомое дело.

Ушаков великолепно справлялся со стоящей перед ним задачей. Он собирал представителей городов и деревень, выслушивал мнение всех сословий, внимательно разбирал каждое заявление, жалобу. Он сам составлял текст присяги, которую должны были принимать жители.

Ушаков настаивал, чтобы в органы власти избрали «искусных, честных, справедливых, достойных и с лучшими дарованиями особ».

Разумеется, подобные действия Ушакова никак не соответствовали ни духу, ни желаниям русского царского двора. Скоро он начинает чувствовать недовольство двора. Из Петербурга летят мелочные придирки. В одном из писем Ушаков жалуется: «За все мои старания и столь многие неусыпные труды из Петербурга не замечаю я соответствия... Могу чистосердечно уверить, что другой на моем месте, может быть, и третьей части не исполнил того, что я делаю... Столь славное дело, каково есть взятие Корфы (что на будущее время эпохою может служить), принято, как кажется, с неприятностью, а за что — не знаю. Мальта — ровесница Корфу; она другой год уже в блокаде и когда возьмется еще не известно, но Корфу нами взята почти без всего и при всех неимуществах».

Славные подвиги талантливого флотоводца остались неоцененными.

РУССКИЕ В ИТАЛИИ

Закончив на Корфу хлопоты с устройством местного самоуправления и ремонтом кораблей, Ушаков приступил к выполнению второй части возложенного на него задания: предстояло ликвидировать французские гарнизоны в Италии.

На севере Апеннинского полуострова французов теснил фельдмаршал Суворов. Только его система, его тактика могли противостоять тактике французских батальонов. «Они воюют колоннами, и мы их бить будем колоннами», заявил Суворов. Русские солдаты, по выражению их полководца, «дрались как отчаянные... а ничего нет страшнее отчаянных». По свидетельству же иностранцев, русские полки «обладали твердостью и устойчивостью бастионов». Северная Италия была быстро очищена от французских войск.

Но на юге еще господствовали французы. Нельсон со своим флотом крейсеровал у Неаполя, не решаясь начать действия на берегу.

Ушаков отдает распоряжение идти к берегам Италии.

Первой из Корфу вышла эскадра под командованием капитана 2 ранга Сорокина. Ей было приказано взять крепость Бриндизи. В Отранто отправился отряд капитан-лейтенанта Макшеева, но, найдя там все спокойным, отряд присоединился к эскадре Сорокина. В конце апреля корабли показались на рейде Бриндизи. Их приход был совершенно неожиданным. Французский гарнизон только что садился обедать. Внезапное появление русских кораблей вызвало необычайный переполох. Прямо из-за стола, позабыв про обед, французы бросились бежать в глубь страны, побросав припасы, деньги, вооружение. Крепость сдалась без боя.

Завладев Бриндизи, русские корабли пошли вдоль побережья, занимая по пути города: Мало, Бари, Манфредония.

В Манфредонии для действия на берегу высадился отряд руских моряков под начальством Белли. Это был небольшой отряд, но он проявил чудеса смелости и отваги. Заняв город Фиджио, Белли получил донесение о приближении двухтысячного отряда французов. Русские моряки вышли навстречу неприятелю и лихой штыковой атакой рассеяли его.

Уничтожая по дороге мелкие французские отряды. Белли пошел к Неаполю и участвовал в его взятии.[1]

ПРЕДАТЕЛЬСТВО СОЮЗНИКОВ

Суворов, развертывая наступление, просил Ушакова приступить к блокаде Анконы, чтобы прекратить снабжение французской армии с моря.

В начале мая русская эскадра подошла к Анконе. Одним десантом этот сильно укрепленный город взять

[1] Действия русского морского отряда при взятии Неаполя — мрачная страница в истории русского флота, так как при его участии там была уничтожена республика и произведена реставрация Неаполитанского королевства.

было нельзя, поэтому русское командование, не прекращая блокады, запросило австрийцев о присылке сухопутных войск.

Русские моряки взяли несколько маленьких крепостей, лежащих на подступах к Анконе.

Прорыв через Гибралтар в Средиземное море сильного франко-испанского флота заставил Ушакова снова собрать все русские корабли на Корфу. Ушаков готовился вместе с англичанами выступить против французов.

Для согласования дальнейших действий с английским флотом Ушаков прибыл в Палермо. Здесь произошла первая встреча русского флотоводца с адмиралом Нельсоном.

К моменту совещания в Палермо угроза со стороны франко-испанского флота уже отпала, и Ушаков предложил Нельсону направить против занятой французами Мальты соединенные силы двух эскадр.

Но это никак не входило в расчеты Нельсона, он всеми силами старался отклонить предложение Ушакова.

С первой же встречи русский и английский флотоводцы не сошлись.

Ушаков, не доверяя льстивым фразам английского лорда, с подозрением относился к его предложениям.

Нельсон с досадой видел, что русский адмирал держит себя самостоятельно, независимо и никак не может быть зачислен в число его бессловесных помощников.

Нельсон писал подчиненному ему командиру Трубриджу, что Ушаков «держит себя так высоко, что это невыносимо; под вежливой наружностью в нем скрывается медведь».

Во время стоянки в Палермо между местным населением и турками произошла грандиозная драка. Турецкие матросы дебоширили, дисциплина на турецкой эскадре падала с каждым днем. Ушаков, не видя от турок большой пользы, предложил Кадыр-Бею отправиться в Дарданеллы.

Через два дня после отплытия турок русская эскадра вошла в Неаполь.

Русские стали готовиться к взятию Рима. Но и тут англичане, привыкшие загребать жар чужими руками, воспользовались появлением русской эскадры — моральным воздействием русских войск на неприятеля.

Стоявший в Неаполе корабль Трубриджа сразу же после прихода Ушакова снялся с якоря. Ушакову свой поспешный уход Трубридж объяснил необходимостью собрать у Чивита-Веккии английские суда и итти на соединение с Нельсоном. На самом деле Трубридж отправился к Риму и склонил французского генерала Гарнье, защищавшего Рим, к весьма невыгодной для союзников капитуляции. Французский генерал, поставленный в безвыходное положение, охотно принял предложенные ему условия капитуляции. По этим условиям французские войска не признавались военнопленными, у них не отбиралось оружие, они не лишались права дальнейшего участия в войне, им даже обещалась перевозка в отечество.

Ушаков от такого вероломства англичан пришел в крайнее негодование. Он знал, что освобождающиеся в Риме французские войска будут переброшены на фронт против Суворова. Ушаков сначала было решил отменить предполагаемый поход русских на Рим, но потом все же отдал приказ о выступлении.

В Риме жители с радостью встретили русских моряков. «Вот те, которые всегда бьют французов и которых французы боятся» – кричали римляне, видя русских.

В октябре к Анконе на помощь русскому отряду судов, блокировавшему этот порт, подошел корпус австрийских войск, под начальством генерала Фрейлиха. Австрийцы, которые в открытом бою десятками и сотнями сдавались в плен, теперь, подобно англичанам, стремились использовать русских для своих завоевательных целей в Италии.

В Анконе повторилась история с Римом. Австрийцы готовили сепаратное выступление. Пока русские крейсе-

ровали у Анконы, Фрейлих умышленно затягивал предложение капитуляции французам. Но как только сильные осенние бури заставили крупные суда русских укрыться в Триест, капитуляция была подписана. Гарнизону крепости было разрешено отправиться во Францию. Французскому генералу обеспечивался почетный караул.

Вконец обнаглевший Фрейлих даже запретил впускать в Анкону русские и турецкие войска (в отряде было несколько турецких кораблей).

Узнав о позорной для победителей капитуляции и намерениях австрийцев завладеть Анконой, командующий отрядом Войнович приказал своим судам войти в Анконскую гавань и поднять на завоеванных судах и крепостях вместе с австрийским русский и турецкий флаги.

ДРУЖБА С ВЕЛИКИМ ПОЛКОВОДЦЕМ

За все время военных действий в Италии Ушаков поддерживает деятельную переписку с Суворовым. Оба они были лучшими представителями русской армии и флота.

Суворов и Ушаков в воине видели прежде всего человека. Они заботились о его благополучии, были требовательны, но справедливы. Тот и другой наравне с бойцами делили трудности походной жизни. Их спартанская неприхотливость, беззаветная личная храбрость были широко известны русским солдатам и матросам. Все это только укрепляло авторитет талантливых военачальников.

В области ратного искусства Суворов и Ушаков были новаторами. Они успешно ломали закостеневшие каноны военной науки. Суворов на суше, Ушаков на море смело перешли от старой линейной тактики к подвижным, маневренным формам боя; они показали прекрасный пример взаимодействия армии и флота.

Ушаков своим флотом всячески помогал Суворову: пресекал подвоз неприятелю запасов и подкреплений, прикрывал с моря Ливорно, где находились наши мага-

зины с припасами, содействовал взятию крепостей и городов.

Суворов постоянно интересовался ходом дел Ушакова.

После взятия первоклассной Александрийской крепости Суворов писал Ушакову:

«Милостивый государь мой Федор Федорович. Обратя виды свои на Геную, выступаю я теперь в поход... Главные силы неприятельские около Генуи: субсистенцию они получают водой из Романии, ныне же почти того лишены и должны ее иметь из одной Франции... Покорнейше прошу принять попечительные и благоразумные, свойственные вам меры к пресечению ее...»

Однажды произошел характерный эпизод, показывающий отношение Суворова к Ушакову. Как-то к фельдмаршалу явился немецкий офицер с пакетом от Ушакова. На вопрос, как здоровье адмирала, офицер ответил:

— Господин адмирал фон Ушаков чувствует себя великолепно.

— Возьми свое фон, — с гневом вскричал Суворов, — раздавай его кому хочешь. А победителя турецкого флота, потрясшего Дарданеллы, называй Федор Федорович Ушаков.

Фельдмаршал и флотоводец все время оставались друзьями. И оба кончили свою жизнь одинаково — в опале, забытые «предержащей властью», но чтимые народом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Осенью 1799 года Ушаков получает неожиданное приглашение Нельсона — соединенными силами начать осаду Ла-Валетты, главной крепости Мальты. Нельсон в льстивом письме говорил:

«Это предприятие важно для моего государя, следовательно важно и для меня, притом оно будет приятно для великого магистра, верного союзника моего государя».

Последними строчками он намекал на принятие Павлом звания гроссмейстера мальтийского ордена рыцарей Иоанна Иерусалимского.

Такая перемена тактики Нельсона объяснялась просто. Второй год осады Мальты был на исходе, а крепость держалась с прежним упорством. Не располагая осадными войсками, Нельсон хотел склонить на приступ мальтийцев. Но те твердо заявили, что не пойдут на штурм Ла-Валетты, пока не прибудут русские. Нельсону пришлось пригласить Ушакова.

Помня совещание в Палермо и низость Трубриджа, Ушаков вначале отказался от приглашения англичан. Тогда Нельсон повторил предложение. Представители европейских дворов, уговаривая Ушакова итти к Ла-Валетте, напоминали о желании Павла покорить русскими войсками Мальту. Ушаков приказал выступать. На корабли был принят присланный Суворовым двухтысячный отряд сухопутных войск под начальством Волконского.

Но выйдя из порта, Ушаков получил распоряжение Павла спешно возвратиться в Черное море, забрав с собой все войска.

Павел, хотя и поздно, понял, что австрийцы его дурачат, не лучше действия и англичан. На решение прекратить войну повлиял также и государственный переворот во Франции, в результате которого Наполеон Бонапарт готовился объявить себя императором. Все это в корне изменило отношение Павла к Франции.

В конце 1800 года эскадра Ушакова возвращается в Севастополь.

Два с четвертью года длился средиземноморский поход. Русские моряки совершили много геройских подвигов, прославили силу русского флота, высоко подняли честь родины.

Сближение с Францией было для Павла роковым. Несколько дворян-придворных, подкупленных английским послом в Петербурге, в ночь с 12 на 13 марта 1801 года задушили Павла в Михайловском замке, в котором он жил

как в крепости. Крепость стала для него западней. В дворцовом заговоре принимал участие сын Павла Александр.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

На престол вступил Александр. Это был лицемер, нерешительный, самовлюбленный эгоист, не получивший почти никакого образования. «Плешивый щеголь, враг труда» — так отзывался о нем великий русский поэт Пушкин.

С воцарением Александра для русского флота наступила самая темная в его истории пора. Новый царь не любил и не понимал флота, судил о нем, по собственному же выражению, «как слепой о красках». При каждом удобном случае он подчеркивал пренебрежительное отношение к флоту. К руководству флотом пришли чуждые ему люди, вроде графа Воронцова, никогда не бывшего моряком. Не удивительно, что такой глава флота в 1802 году писал: «По многим причинам, физическим и локальным, России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, да и в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должны быть в сухопутных войсках».

Во флоте еще больше усилились солдатская муштра, шагистика. Достоинства морского офицера стали определяться знанием ружейных приемов и фронтовой выправкой. За малейшие нарушения формы следуют строгие наказания. Архивные документы говорят нам о некоем мичмане Урывкове, отданном под суд за то, что находился у качелей без мундира, о мичмане Оболенском, посаженном под арест «за появление на Толкучем рынке непричесанным и ненапудренным».

И в это же время корабли гнили в гаванях, не получая самого необходимого ремонта; парусные и орудийные учения прекратились. Русский флот разбазаривался — много военных кораблей было продано в другие страны, в частности в Испанию.

Истинные моряки тяжело переживали развал флота, с негодованием и неприязнью смотрели на заводимые порядки. Многие подали в отставку.

Бездарный Александр I, руководя сухопутной армией, терпел одно поражение за другим. Его уязвленное честолюбие не выносило даже упоминания о победах смелых, решительных моряков. Враг всякой инициативы, он, по свидетельству современника Тучкова, «предпочитал терпеть урон от беспрекословного подчинения, нежели выгоды от решительности».

Поэтому-то он так ненавидел Ушакова и его талантливого ученика Сенявина — прославленных флотоводцев, принимавших боевые решения чаще в зависимости от обстановки, а не по указаниям, данным из Петербурга.

При Александре Ушаков — участник свыше 40 морских кампаний — занимает скромную должность начальника Балтийского гребного флота.

К сожалению, о последнем периоде службы Ушакова сохранилось мало документов. Известно, что он остался верен своей неизменной заботе о благополучии подчиненных. В морском архиве хранятся докладные записки Ушакова морскому министру «о мерах по облегчению наряжаемых на работы казенных людей», о покупке в галерной гавани частных домов для офицеров гребного флота. «живущих в обывательских квартирах по всему Петербургу», и другие.

После позорного Тильзитского мира, когда все завоевания русских моряков в Средиземном море снова были отданы французам, Ушаков подает в отставку.

Мотивируя свою отставку болезнью, Ушаков писал в рапорте на имя царя: «...не прошу награды, знатных имений, высокославными предками вашими за службу мне обещанных, но останусь доволен тем, что от вашей милости и щедрости определено будет на кратковременную мою жизнь к пропитанию».

Царь расщедрился и уволил Ушакова с половинной пенсией. Ушаков удалился в деревню.

В отечественную войну 1812 года русские [illegible] со всем народом готовились к отпору неприятеля. Ушаков был еще полон сил и считал, что также может быть полезен родине. Он каждый день ждал вызова в Петербург. Его ожидания не оправдались.

Бесталанные иностранцы — де-Траверсе, Тет, Кроун и другие возглавляли русский флот, а знаменитые русские флотоводцы сидели без дела.

Ушаков жил бедно и довольно уединенно в своей деревушке Алексеевке Тамбовской губернии.

Поместья с тысячами душ, пожалованные ему за многочисленные победы над врагами, получены не были. Денег едва хватало на пропитание. О его бедности говорит и завещание, составленное в 1810 году. По [illegible] он все свое наследство — 37 душ дворовых людей — оставил единственным родственникам — двум племянникам и племяннице.

* * *

2 октября 1817 года знаменитый флотоводец скончался.

Смерть Ушакова прошла почти незамеченной. Петербургская газета «Северная почта» в номере от 27 октября ограничилась краткой заметкой: «Из Тамбова, от 12 октября. Известный адмирал Федор Федорович Ушаков, толико прославившийся военными деяниями своими, сего октября 2 числа, к общему сожалению, скончался здешней губернии в Темниковском уезде. Погребение происходило 7 числа». И все. Больше никто и никак не отозвался на смерть храброго моряка — создателя новой тактической школы русского флота.

* * *

Моряки Красного флота свято хранят боевые традиции. Они чтут память выдающихся флотоводцев, бесстрашных героев, талантливых сынов русского народа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 60 к.